

1987

Человеческий фактор

27 января 1987 года генеральный секретарь Центрального комитета КПСС Михаил Сергеевич Горбачев в докладе на пленуме ЦК признал провал провозглашенного за два года перед тем партийного курса: «...дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более глубокими, чем это представлялось нам раньше».

Уже само по себе подобное публичное признание с высочайшей трибуны было делом невиданным, но выводы были и вовсе революционными. Генсек во всеуслышание объявил, что причина неудач коренится не в отдельных частных недостатках, а в самом существовании советской системы: «...образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития... Корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления».

Осторожный Михаил Сергеевич сделал все, чтобы не испугать престарелых соратников и преподнести им революционную новацию в оболочке традиционных советско-бюрократических штампов. Доклад носил рутинное название «О перестройке и кадровой политике партии», а в тексте неоднократно подчеркивалось, что «речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы», а всего лишь о том, чтобы «с максимальной эффективностью использовать все ее возможности».

Впрочем, первоначальные замыслы Михаила Сергеевича едва ли простирались далее обновления партийно-хозяйственной номенклатуры под знаменем возвращения к «ленинским нормам». «В условиях перестройки, — докладывал пленуму Горбачев, — когда с такой остротой встала задача активизации человеческого фактора, мы должны еще раз вернуться к ленинской постановке вопроса о максимуме демократизма социалистического строя, при котором человек чувствует себя хозяином и творцом».

Но, решившись «активизировать человеческий фактор», Горбачев запустил процессы, которые уже не в состоянии был ни направлять, ни остановить.

Ускорение «назад к Ленину»

Решимость Горбачева имела простое объяснение: Советский Союз стоял на пороге глубокого кризиса. Социалистическая экономика исчерпала свои возможности уже к середине 70-х, когда была остановлена «косыпшская» реформа, вводившая в хозяйственную жизнь зачатки рыночных отношений. Нужда, однако, заставила бы проводить реформы, как пришлось их начать в 1978 году Коммунистической партии Китая. Но советской власти крупно пофартило. Мировой топливный кризис 1973 года привел к резкому повышению цен на нефть, и освоение примерно в то же время крупнейших месторождений в Западной Сибири позволило отложить реформы в долгий ящик. За счет обильно притекающих в страну «нефтедолларов» подкармливались не только африканские и азиатские диктаторы, «ступившие на путь строительства социализма», но и поддерживался скромный достаток основной массы неизбалованных советских граждан.

Падение нефтяных цен на мировых рынках в 1985 году окончательно подкосило систему. Накопленных ресурсов хватило бы для продолжения прежней жизни максимум на пять лет. Далее неизбежный крах экономики «развитого социализма» привел бы к социальному взрыву колоссальной силы.

Для обновления системы требовались люди нового склада. 11 марта 1985 года генеральным секретарем был избран Михаил Горбачев. В отличие от ветхих старцев, которых страна привыкла видеть у кормила государства в предшествующее десятилетие, новый генсек был сравнительно молод (всего 54 года) и бодр, имел два высших образования, охотно «встречался с людьми» и говорил «без бумажки».

Никакого ясного плана реформ Горбачев в ту пору не имел. Социализм представлялся ему вполне жизнеспособным строем, в советскую систему надлежало внести лишь некоторые частные исправления.

23 апреля 1985 года новый Пленум ЦК КПСС объявил курс на «ускорение научно-технического прогресса». Решить задачу предаю-

лталось испытанными административными приемами. Изобретатель концепции «ускорения» академик А. Г. Аганбегян предлагал повысить эффективность социалистической экономики за счет опережающего развития машиностроения. Корнем зла объявили упадок «производственной и исполнительской дисциплины» по причине пьянства. 17 мая 1985 года было опубликовано постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Продажа спиртного отныне должна была производиться только в ограниченном числе специализированных «торговых точек» и только с двух часов пополудни до семи вечера. Производство «ликеро-водочной продукции» предполагалось сократить вдвое в ближайшие четыре года.

Административными методами пытались на первых порах поднять и качество производства. В мае 1986 года была создана «госприемка» — служба государственных контролеров, независимая от администрации предприятий.

Отдал дань Горбачев и реорганизациям бюрократического аппарата в хрущевском стиле. 22 ноября 1985 года в единое суперведомство Государственный комитет по агропромышленному комплексу (Госагропром, в народе тут же прозванный «Мииарбузом») были слиты министерства сельского хозяйства, сельского строительства, плодовоощного хозяйства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности и госкомитет по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства.

Власти метались от ужесточения борьбы с хозяйственной самостоятельностью граждан к ее поощрению. 15 мая 1986 года вышло постановление ЦК КПСС о борьбе с нетрудовыми доходами, призывавшее к искоренению чуждой социализму частнособственнической идеологии. Но не успели граждане включиться в новую борьбу со стяжателями, как 14 августа было разрешено создание кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья, а 19 ноября 1986 появился «Закон об индивидуальной трудовой деятельности». Два новых закона открывали путь, хотя и тернистый, легальному частному предпринимательству.

Все эти экономические новации только способствовали ускоренному краху советской хозяйственной системы. Прямолинейный Егор Лигачев, назначенный в Политбюро ЦК курировать антиалкогольную кампанию, вел дело напрямик к сухому закону. Производство «ликеро-водочных изделий» сократили на 40% в первые же полтора года, в местах традиционного виноделия вырубались сортовые виноградники. В

ожидании открытия винных магазинов у дверей выстраивались километровые очереди, а после «штурма» оттуда нередко выносили задавленных насмерть. По официальной статистике, потребление алкоголя сократилось с 8,4 литра в 1984-м до 3,3 — в 1987-м. Но страна вовсе не стала меньше пить. В ход пошли алкогольные суррогаты от дешевых одеколонов до мебельной морилки. В магазинах появились объявления о продаже одеколona с 14 часов и не более двух пузырьков «в одни руки». Производство самогона приняло небывалые прежде масштабы.

Гигантский Госагропром (5000 чиновников коего должны были вести отчетность по 150 000 показателей) оказался недееспособен, и фактическое распоряжение сельским хозяйством перешло в руки районных и областных агропромышленных объединений, в результате чего распределение дефицитных ресурсов оказалось в руках местных партийно-хозяйственных кланов. В 1989 году Госагропром без лишнего шума распустили, восстановив сельскохозяйственные ведомства, но контроль центра за этой важной сферой был утрачен.

Госприемка, в которую отвлекались с производства лучшие специалисты, браковала до половины промышленной продукции. Директора и трудящиеся возмутились — «план горел», а вместе с ним и премии. Вскоре госприемка приказала долго жить.

Катастрофой обернулось массированное вливание капиталов в машиностроение — отрасль, не дающую скорой отдачи на потребительском рынке. Советское машиностроение на мировой уровень не поднялось, а казна была истощена, государство вынуждено было резко сократить закупки продовольствия и предметов потребления за рубежом. Начался настоящий «товарный голод».

Гораздо большее значение, нежели эти экономические акции, имела «кадровая политика» Горбачева, преследовавшая две основные цели. Во-первых, устранялись откровенные коррупционеры — «перерожденцы», вроде ленинградского партийного начальника Романова, жившего буквально по-царски (для свадьбы его дочери позаимствовали музейные императорские сервизы) и московского — Гришина, превратившего столицу в свою криминально-феодалыгую вотчину. Во-вторых, с верхних ступеней номенклатуры постепенно устранялись все, не сочувствовавшие реформаторскому курсу Горбачева. За первые два года своего правления Горбачев сменил 70% членов Политбюро, 60% секретарей областных парторганизаций и 40% членов ЦК КПСС. На освободившиеся места генсек ставил людей, пользующих-

ся его личным доверием. Министерство иностранных дел возглавил Эдуард Шеварднадзе, Верховный совет — друг Горбачева со студенческих времен Анатолий Лукьянов, отдел ЦК, ведавший идеологией и пропагандой, — сторонник радикальных перемен, сосланный после свертывания косыгинских реформ послом в Канаду, Александр Яковлев. «На Москву» вместо Гришина был переведен энергичный секретарь свердловского обкома Борис Ельцин.

Но подлинное новшество горбачевской политики, имевшее далеко идущие последствия, заключалось в «гласности». Словечко это, непереводимое на другие европейские языки, впервые появилось в России в эпоху первой «оттепели» в начале царствования Александра II. В 1862 году Чернышевский ехидничал, что «гласность — это бюрократическое выражение, придуманное для замены выражения "свобода слова"» и придуманное по догадке, что выражение «свобода слова» может показаться неприятным или резким кому-нибудь». Горбачевская гласность поначалу и предполагала только оглашение фактов лихоимства, нераспорядительности и т.п. явлений, мешающих реализации «потенциала социализма». Но и ограниченная открытость власти для «критики снизу», даже простое описание реального положения дел, были для отвыкшей от этого страны явлением чрезвычайным, быстро изменившим общественную атмосферу.

Первым актом новой политики стал показ по телевидению 17 мая 1985 года встречи Горбачева с ленинградским партийным «активом». Впервые многое из того, о чем говорилось «в закрытом порядке» в партийных верхах было, по выражению Горбачева, «выплеснуто на всех». Цензура продолжала существовать, но рамки допустимого были существенно раздвинуты. В феврале 1986 года на XXVII съезде партии Горбачев провозгласил, что «зон, свободных от критики» быть вообще не должно. Однако на практике власть продолжала «дозировать» информацию, доступную общественности.

Подлинная цена дозированной информации была невелика, что особенно ясно показала страшная катастрофа, произошедшая в ночь на 26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции недалеко от Киева. Выброс радиоактивных элементов в результате аварии был в 90 раз больше, чем в Хиросиме. Радиоактивное облако дотянулось до стран центральной и северной Европы, где предпринимались энергичные меры по оповещению населения об опасности и его защите. В СССР об аварии коротко сообщили только 28 апреля, эвакуи-

ация жителей из смертельной «тридцатикилометровой зоны» началась 2 мая. Первомайская демонстрация и детский праздник на улицах Киева были проведены с обычной помпой.

Стратегия слома «механизма торможения», которую сам Горбачев избегал формулировать прямо (это сделал экономист Гавриил Попов), предполагала сокрушить его «массовым движением трудящихся, опирающимся на волю руководства партии». Главной задачей горбачевской гласности тем самым становилась пропаганда реформаторских идей и обличение пороков административной системы, сложившейся после смерти Ленина.

Интеллигенция с энтузиазмом включилась в процесс «ликвидации белых пятен» — фальсификаций и умолчаний, которыми изобилвала отечественная история. Именно в это время родился знаменитый афоризм о России как о стране с «непредсказуемым прошлым». Объектом главного удара новой публицистики стала сталинская эпоха. В 1986г. на экраны был выпущен блестящий фильм Тенгаза Абуладзе «Покаяние», снятый еще в 1984-м, но отправленный «на полку» советской цензурой. Гротескное изображение диктаторского режима советского типа завершалось символической сценой. Услышав, что улица имени великого вождя не ведет к храму, пожилая дама задумчиво вопрошала: «Зачем нужна улица, если она не ведет к храму?» Образ улицы, не ведущей к храму, стал символом «реального социализма».

В качестве идеальной альтернативы сталинского «бесконечного тупика» был создан идиллический образ ленинской «новой экономической политики». Истинным продолжателем дела Ленина был провозглашен Николай Бухарин, превратившийся под пером отечественных мифотворцев из теоретика «военного коммунизма» в провозвестника «социализма с человеческим лицом».

«Больше демократии - больше...»

За «социализм с человеческим лицом» ратовали тогда даже будущие радикальные либералы. Юрий Афанасьев писал в 1987 году: «Мы, будучи верны социализму подлинному, не намерены довольствоваться социализмом декларативным, который словно в насмешку поименовали "реальным социализмом"... Не всякая наша реальность социалистична, зато потенции социализма реалистичны. Они совсем не исчерпаны предшествующим развитием, скорее, задействованы лишь в малой степени».

Социологические опросы того времени, результаты которых начали публиковать, показывали, что подавляющее большинство советских граждан привержено идеям социального равенства. До 85% опрошенных были уверены, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низким доходом». Огромной популярностью пользовались борцы с привилегиями номенклатуры.

На этом, в частности, заработал свой первый политический капитал Борис Ельцин. Новый московский начальник держался чрезвычайно скромно и повел энергичную борьбу за социальную справедливость — ездил в троллейбусе, заходил в обычные магазины и поликлиники, обрушился на «торговую мафию» и действительно довел до суда дела о коррупции и хищениях в московской торговой сети. Отдыхая, играл с охранниками в волейбол. Этими нехитрыми приемами Борис Ельцин приобрел в Москве чрезвычайную популярность.

Только благодаря безусловному господству в обществе патерналистских настроений, свидетельствовавших, как казалось, о нерушимости «социалистического выбора», Горбачев решился допустить массы до реального политического действия. В январе 1987 года на пленуме ЦК он провозгласил курс на «серьезную, углубленную демократизацию советского общества», дабы «включить в перестройку решающую силу — народ». «Глубинную суть перестройки», как она представлялась на тот момент партийным начальникам, Егор Лигачев выразил в афористической формуле — «больше социализма». Но хотя, как шутили тогдашние острословы, демократия отличалась от горбачевской «демократизации» примерно так же, как канал от канализации, результаты самой умеренной «демократизации» политической и экономической жизни оказались губительными для социализма.

Первоначально «демократизация» распространилась только на внутрипартийные отношения и управление производством. 30 июня 1987 года был принят закон «О государственном предприятии». Закон наделял предприятия экономической независимостью, в течение не продолжительного времени они должны были перейти на полный «хозрасчет» и «самофинансирование». Роль центральных ведомств сводилась к определению «контрольных цифр» хозяйственных показателей и объема «государственного заказа», размеры которого должны были постепенно снижаться. Производимую сверх госзаказа продукцию предприятие могло реализовывать по «договорным» ценам. Полноправным хозяином предприятия становился трудовой коллек-

тив, члены которого получали право выбора директоров и начальников структурных подразделений.

Введение «производственной демократии» имело катастрофические последствия для социалистической экономики. Статья закона, предусматривавшая банкротство убыточных предприятий, которых было около трети, осталась мертвой буквой, благодаря лоббистским усилиям директорского корпуса. Трудовые коллективы стремились обратить львиную долю доходов на потребление и прекратили инвестиции в производство. Дешевые товары замещались дорогими «новыми» марками, не отличающимися от старых ничем, кроме этикеток. Дефицит «предметов первой необходимости» только усилился, сомнения в возможности выбраться из экономического кризиса социалистическими мерами становились все сильнее.

«Гласность» скоро перестала уместиться в рамках «социалистического выбора». В майском номере журнала «Новый мир» за 1987 год была опубликована статья Ларисы Пияшевой «Где пышнее пироги?», доказывающая на общепонятных примерах, что только рынок обеспечивает эффективное хозяйствование, а социализм с рынком никаким образом несовместим.

Толчком к радикальному пересмотру социалистических мифов послужило 70-летие Октябрьской революции. Новые данные, преданные гласности в ходе этой кампании, о сопротивлении самых разных социальных групп и отдельных лиц установлению большевистской диктатуры и о чудовищной цене, заплаченной страной за построение казарменного социализма, подорвали в корне мифологему свободного «социалистического выбора».

Экономическая реальность подтачивала веру в идеалы социализма. Революционное значение имело разрешение новых кооперативов, оформленное в феврале 1987 года серией постановлений Совмина и закрепленное через год в законе «О кооперации». Появление «хозяйствующих субъектов» с принципиально иным статусом нежели государственные предприятия способствовало ускоренному разложению социалистического хозяйства. Кооперативы, обладавшие полной свободой хозяйственной деятельности, начали перекачивать к себе ресурсы госпредприятий, при которых большинство из них и были образованы. В эту сферу быстро переместилось множество предприимчивых людей. К началу 1990 года в кооперативном секторе было занято почти 8 млн человек (4,9 млн — членов кооперативов и 2,9 млн — наемных работников), и еще 1 млн человек были заняты индивидуальной трудо-

вой деятельностью. Образовался значительный численно, а главное, чрезвычайно энергичный слой людей, которые уже не связывали свое преуспеяние с социалистическими распределительными схемами и нуждались не в государственной «опеке», а в свободе действий.

Не менее разрушительно на социалистическое хозяйство воздействовал и закон «Об аренде». Арендатор получал право выкупа предприятия по ничтожной «балансовой» стоимости. Фактически через механизм «аренды с выкупом» оказались приватизированы целые отрасли промышленности, в первую очередь текстильная и легкая. В 1990 году в СССР было уже 6,2 тыс. арендных предприятий, на которых работали 3,6 млн человек.

В результате к 1990 году в СССР сформировалась альтернативная государственному социализму система хозяйства с совершенно иными ценами и заработками. Параллельное существование этих систем не могло не породить многочисленных злоупотреблений лиц, приставленных к «социалистической собственности». Через кооперативы и по «договорным» ценам (всегда значительно более высоким, чем государственные) реализовывалась значительная часть продукции госпредприятий. Вместе с тем мгновенное появление слоя преуспевающих кооператоров, образование системы торговли с высокими ценами, но не знающей дефицита, породили надежды на возможность ускоренного и безболезненного решения всех экономических проблем путем перехода к свободному рынку.

«Партия и правительство» продолжали проявлять заботу о «населении». 8 сентября 1989 г. Политбюро ЦК КПСС в очередном постановлении признало: «...в стране сложилось нетерпимое положение», когда «трудящиеся справедливо выражают крайнее недовольство перебоями и исчезновением из свободной продажи многих товаров, и особенно мыла, стиральных порошков, школьных тетрадей и карандашей, лезвий для бритвы, зубной пасты, гальванических элементов и батарей, игл к швейным машинам, застежек «молния», электрических утюгов, чайников, плиток, а также обуви, меховых изделий, лесных и строительных материалов». Список можно было бы продолжать бесконечно. Но народ, по крайней мере самая энергичная его часть, уже перестал чувствовать себя «населением» — объектом попечительных забот благодетельной власти и готов был позаботиться о себе сам.

Этот тектонический сдвиг в массовом сознании отразили шахтерские забастовки. Уже летом 1989 года шахтеры Кузбасса выдвигали в

числе основных требований незамедлительный переход к рыночной экономике. Разочарование не только в «реальном социализме», но и в социалистическом идеале, всплеск симпатий к экономическим и политическим моделям «Запада», достигли пика в 1990 году. Тогда в СССР, по данным социологических опросов, 32% граждан считали образцом государственного и социального устройства США (уже в 1992-м таких осталось лишь 13%), а Китай — только 4%.

Мина национального вопроса

Другим неожиданным для советских властей последствием демократизации общественной жизни оказались взрывной рост национализма, обострение межнациональных отношений и, наконец, образование мощных сепаратистских движений. Разочарование в коммунистических идеалах вело к оживлению националистических идеологий — наиболее простого и универсального выхода «широких масс» из состояния социального разочарования. Восстановления своих попраных прав потребовали народы, подвергшиеся принудительным переселениям в сталинское время. Ленинско-сталинский Союз, «нерушимость» которого обеспечивалась механизмом репрессий, затрещал по швам немедленно вслед за ослаблением партийной «вертикали». Как только страх тотального насилия ушел (а это произошло в первый же год «перестройки»), национальная мина, заложенная создателями Союза, взорвалась.

Видимость благополучия по части «нерушимой дружбы народов» была нарушена уже в марте 1986 года, когда произошли массовые драки между русскими и якутами — студентами Якутского государственного университета. Инцидент «спустили на тормозах», в результате чего националы удостоверились в отсутствии у союзного центра решимости и далее применять жестокие репрессии. Национальные движения начали расти как грибы после дождя.

Одна из первых организаций такого рода — патриотическое движение «Память» — возникло в 1985 году как объединение культурно-просветительных, историко-краеведческих и трезвеннических организаций. Но уже в конце года у руля там оказались радикальные националисты. 21 мая 1986 года новый лидер движения Дмитрий Васильев опубликовал «Обращение патриотического общества «Память» к русскому народу, ко всем народам нашей великой державы»,

в котором, ссылаясь на «Протоколы сионских мудрецов», трактовал экономический кризис как результат еврейских происков и призывал превратить перестройку в борьбу с «сионистской агентурой».

Национальные отношения портились, часть консервативной номенклатуры готовилась отстаивать свои господствующие позиции под националистическими знаменами. Генеральный секретарь ЦК КПСС продолжал произносить ритуальные заклинания, вроде того что «в СССР в принципе решен национальный вопрос», но их магическая сила иссякла.

Летом 1988 года начинается формирование республиканских «народных фронтов». Требования фронтов были поначалу в высшей степени умеренными. Хартия народного фронта Эстонии, опубликованная 9 сентября, главной целью организации провозглашала «поддержку курса КПСС на перестройку», и лишь в конце списка значилась защита республики от «диктата и засилья союзных ведомств». Но постепенно руководящие позиции во всех фронтах занимают радикалы, все громче начинают звучать голоса о «советской оккупации» Прибалтики в 1939—1940 годах и необходимости восстановления государственной независимости.

Наиболее губительные последствия для союзного руководства имел конфликт Азербайджана и Армении из-за Нагорного Карабаха (армянское название — Арцах) — области, заселенной преимущественно армянами и «прирезанной» в 1920-е годы к Азербайджану, ради умиротворения Турции. В советские времена автономная область была «падчерицей» республиканского руководства, обделявшего ее разного рода централизованно распределяемыми ресурсами, и среди армянского населения росло желание перейти под юрисдикцию Армении. Первые митинги с такими требованиями прошли в области в октябре 1987 года и вызвали ответные манифестации в Баку. Обстановка накалялась. Вялая реакция руководства СССР приводила к тому, что верх на обеих сторонах конфликта брали экстремисты, подталкивавшие к «силовому решению вопроса». 26 февраля 1988 года Горбачев в очередной раз призвал «трудящихся» Армении и Азербайджана «сосредоточиться на решении конкретных экономических, социальных, экологических и других проблем». 27 февраля в Сумгаите началась резня армян. Милиция бездействовала, и для прекращения погромов с большим запозданием были двинуты безоружные курсанты военных училищ, падавшие в обморок при виде обезображенных трупов.

Набирающий силу экономический кризис усиливал стремление республик и даже отдельных регионов к обособлению. Начинают создаваться таможенные барьеры, на дорогах выставляются заставы, не допускающие вывоза из области дефицитной продукции. Повсеместно вводятся «талоны» — аналог «карточек» сталинской эпохи, воспользоваться которыми мог только местный житель. Помимо водки и табака вскоре начинает нормироваться и «раздача» основных продовольственных товаров — мяса, колбасы, масла... В Казани вдобавок к 17 видам повсеместно принятых талонов вводятся карточки на гробы. Единое экономическое пространство начинает распадаться.

В тех республиках, где внутренние национальные отношения были осложнены сепаратизмом автономий, использование силы союзным центром во всех случаях приводило лишь к укреплению «националов» и ожесточению конфликтов. 4 апреля 1989 года в Тбилиси начался массовый митинг, организованный лидером «неформального объединения» национальной оппозиции Звиадом Гамсахурдиа (сыном классика грузинской литературы Константина Гамсахурдиа), с требованиями не допустить выхода Абхазии из состава Грузии. 9 апреля войска по распоряжению командующего Закавказским военным округом генерал-полковника Н.Н. Родионова разогнали митингующих «саперными лопатками». Сотни людей были ранены, 19 — погибли, в том числе и беременные женщины. Арестованный Гамсахурдиа сделался национальным героем.

Существование СССР в прежнем унитарном виде оказалось под вопросом. Для преодоления экономического кризиса и радикальной перестройки «советской федерации» необходимы были решительные действия союзных властей. Но Горбачев избрал уклончивую и потому обреченную на неудачу политику «центризма».

Самоубийство «центра»

На исходе 1987 года Михаил Горбачев предпринял попытку обновить партийный идеологический арсенал доктриной «общечеловеческих ценностей». Первоначально это средство предназначалось «для наружного употребления». К числу «общечеловеческих» были отнесены задачи поддержания мира, разоружение и предотвращение экологической катастрофы.

Однако постепенно под давлением журнальной публицистики и более радикальных соратников в ЦК Горбачев начал включать в число «общечеловеческих ценностей» права человека, идеал правового государства и даже основные элементы «западной» модели политической демократии, например, разделение властей.

В связи с этим у Горбачева обнаружились критики как «слева», так и «справа». Причем термины эти приобрели совершенно несвойственное им прежде и ныне утраченное значение. «Левыми» назывались противники Горбачева, упрекавшие его в непоследовательности и медлительности. Лидером этого направления осенью 1987 года стал Борис Ельцин, выступивший в октябре на пленуме ЦК с резкой критикой консерваторов в ЦК.

«Справа» на Горбачева вели наступление ортодоксальные коммунисты. Манифестом этого направления стала статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованная 13 марта 1988 в газете «Советская Россия». Автор — дотоле никому не известный преподаватель одного из ленинградских институтов — осуждала руководство партии за отказ от принципов классовой борьбы и сталинских методов «социалистического строительства». Статья была воспринята как «установка» ЦК и перепечатана во всех областных партийных газетах, что вызвало немалое смущение умов. Публикация случилась в момент отъезда Горбачева в очередное зарубежное турне. На заседании политбюро сразу после его возвращения Лигачев, поддержанный Громыко и Воротниковым, защищал сочинение Андреевой как «образец партийной публицистики». Большинство политбюро вслед за Горбачевым осудило «антиперестроечный манифест» и поручил А.Н. Яковлеву подготовить ответ. 5 апреля в «Правде» была опубликована редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действия», где Андреевой была дана резкая отповедь. «Демократы» вздохнули с облегчением. Сам же Горбачев заговорил, что перестройке угрожают две опасности: ельцинский «авангардизм» слева и сталинистский консерватизм — справа. Между этими Сциллой и Харибдой Горбачев пытался проводить линию «центризма».

Основные контуры политической реформы были намечены на XIX Всесоюзной партконференции, проходившей в Москве с 28 июня по 1 июля 1988 года. Горбачев не позволил консерваторам свернуть разговор на частные усовершенствования хозяйственного механизма. Конференция провозгласила целью политических реформ построение

в СССР «правового государства», для чего предполагалось прежде всего лишить партийные органы хозяйственно-распорядительных функций, передав их советам, обновленным в соответствии с принципами парламентаризма. Согласие партийной номенклатуры на передачу власти советам было куплено оговоркой о совмещении постов председателя совета и партийного комитета соответствующего уровня. Планировалась и реформа «советского федерализма», «расширение прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза СССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций». В качестве ближайшего конкретного шага в реализации этой программы предстояло собрать Съезд народных депутатов СССР в составе 2250 человек. Причем две трети его состава должны были избираться непосредственно гражданами «на альтернативной основе», а треть — «общественными организациями».

На конференции «левые» и «правые» вступили в лобовую конфронтацию. На заседании, которое транслировалось (небывалое новшество) в прямом эфире, лицом к лицу столкнулись Борис Ельцин и Егор Лигачев. Ельцин резко выступил против камуфляжного «совмещения постов», требовал ввести возрастной предел для членов Политбюро и утверждал, что «если бы на месте товарища Лигачева был какой-то другой человек, то перестройка пошла бы быстрее». Неповоротливый Лигачев только и мог ответить: «Борис, ты не прав!» Тем не менее Ельцин принес повинную за чрезмерно острое выступление на октябрьском пленуме и просил о «политической реабилитации». Лидеры правых и левых были одинаково унижены, а решения конференции, казалось, укрепили позиции Горбачева в борьбе с наметившимися крайностями политического спектра.

Но настроение страны быстро менялось ввиду хронического отсутствия стирального порошка и под влиянием либеральной публицистики, которая в тот период оказалась талантливее как коммунистической, так и националистической. Авторитет КПСС неудержимо падал. «Первые лица» советско-партийной номенклатуры проигрывали на всех альтернативных выборах. Неизменно поддержку получали те лидеры, которых номенклатура хотела «утопить». Опальный Борис Ельцин получил в Москве 89,4% голосов. Молодежь шла на выборы под лозунгом «Борис, ты прав!».

Не оправдали надежд консерваторов назначенцы на съезд от «общественных организаций». От КПСС, ВЛКСМ и Комитета советских

женщин действительно были избраны в основном консерваторы. Однако сотрудники исследовательских институтов Академии наук подняли форменный бунт и не позволили Президиуму Академии сформировать депутацию по своему вкусу, а в публичной полемике победу одержали «демократы». От Академии были избраны недавний политический ссыльный Андрей Сахаров, Николай Шмелев, Александр Яковлев, Геннадий Лисичкин и Юрий Карякин, составившие на съезде ядро радикальной оппозиции.

В начале работы съезда, длившегося с 25 мая по 9 июня 1989 года, тон задавало послушное воле начальства большинство провинциальных делегатов. Горбачев был избран Председателем Верховного совета. Съезд провозгласил, что принимает на себя всю полноту власти в стране, а, чтобы никто особенно не обольщался относительно природы этой власти, избранный заместителем Горбачева А.И. Лукьянов предупредил: «Тот, кто под лозунгом "Вся власть Советам!" подразумевает власть без партийного руководства, сознательно тянет нас на семь десятилетий назад».

Однако при избрании членов Верховного совета, который отныне должен был стать профессиональным постоянно действующим органом, а не собираться, как в советские времена, на три дня в год для «штемпелирования» партийных директив, случился скандал. Аппаратчики подготовили списки загодя, и Горбачев искусно пресекал все попытки «демократов» развернуть о них дискуссию. Но на третий день работы съезда «демократы» взбунтовались: ректор Московского историко-архивного института Юрий Афанасьев публично обвинил Горбачева в том, что он, опираясь на «агрессивно-послушное большинство» съезда, формирует «сталинско-брежневский» Верховный совет.

Депутаты съезда были организованы в региональные группы, от которых назначались ораторы. «Демократам» при такой постановке дела слово доставалось редко, и 7 июня Гавриил Попов объявил о формировании Межрегиональной депутатской группы, лидерами которой стали Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев и Борис Ельцин. В группу вошли 388 депутатов, стремившихся к ускорению реформ.

Политика бесповоротно стала публичной. В октябре 1987 года власти не разрешили напечатать выступление Ельцина на пленуме ЦК (сегодня только очень зоркий глаз способен увидеть содержащуюся в нем «крамолу»), в мае 1989-го в прямом эфире на всю страну произносились речи, какие прежде, таясь от детей, вели вполголоса

по ночам на кухнях. Страна прикинула к экранам, боясь пропустить хотя бы одно выступление «демократов». Телевизоры выставляли в окна первых этажей, и прохожие толпами собирались у них во время очередного острого выступления. «Межрегионалы», на съезде составлявшие меньшинство, стали лидерами общественного мнения.

На II съезд народных депутатов в декабре межрегиональная группа явилась значительной общественной силой и выступила с развернутой программой радикальной политической реформы. Главным пунктом было требование отмены 6-й статьи конституции, закреплявшей монополию КПСС на власть в качестве «руководящей и направляющей силы» общества. Председательствующий на съезде Горбачев грубо заткнул рот Сахарову, огласившему реформаторскую программу, и через два дня после этой стычки академик скончался. Безусловным лидером «демократов» теперь стал Ельцин.

Влияние идей межрегиональной депутатской группы было гораздо более значительным, чем доля их на съезде. Опросы общественного мнения показывали, что требование об отмене 6-й статьи поддерживало в целом по стране более половины граждан, а в крупных городах до 70%.

В экономической политике «межрегионалы» требовали немедленного ускоренного перехода к рынку и демонтажа «унитарно-имперского государства», образования новой добровольной федерации. В ответ 24 мая 1990 года председатель Совета министров СССР Николай Рыжков обнародовал в Верховном совете правительственную программу действий по «переходу к регулируемой рыночной экономике» за 10—15 лет. В качестве первого шага предусматривалось вместо либерализации цен их повышение вдвое, а на хлеб — втрое. Через два часа после трансляции рыжковского доклада последние остатки товаров были сметены с прилавков государственных магазинов. Страна перешла на «натурообмен»: бригада артистов получала за концерт три курицы и два десятка яиц. Народ перестал верить в способность КПСС изменить положение к лучшему даже во главе с генсеком-реформатором.

Стремление к обособлению от консервативного центра усиливалось. В августе 1989-го прибалтийские народные фронты, не дожидаясь решения союзной комиссии о пакте Молотова—Риббентропа, провозгласили целью полную независимость своих республик и уже весной 1990-го пришли к власти в результате парламентских выборов. В январе 1990 года российские «демократы» приняли на вооружение

новую стратегию — завоевать большинство в России, объявить о ее суверенитете и проводить реформы независимо от «союзного центра». С этой целью был создан предвыборный блок «Демократическая Россия». Учредителями его выступили кандидаты демократической ориентации от 22 регионов России. Программа блока повторяла требования «межрегионалов».

Одновременно на Горбачева усиливали натиск консерваторы. В феврале 1990-го на пленуме ЦК его обвинили в «мягкотелости». Горбачеву, Яковлеву и Шеварднадзе досталось за провал экономических реформ, развал Варшавского блока и отказ от коммунистической идеологии. Впервые перед Горбачевым встала необходимость выбирать между правыми и левыми. Он склонился к союзу с «правыми», и «Правда» напечатала серию статей с разносной критикой «демократов», а местные партийные комитеты, приняв, по обыкновению, эти статьи за руководство к действию, приступили к исключению из партии сторонников «Демократической платформы» — фракции, созданной в январе 1990 года лидерами Межрегиональной депутатской группы.

Несмотря на агитацию против «Демократической России» в центральных СМИ, 4 марта на выборах народных депутатов РСФСР блок одержал уверенную победу и сформировал крупнейшую фракцию съезда. «Демократы» Гавриил Попов и Анатолий Собчак возглавили советы в столицах. Популярность Горбачева к этому времени упала настолько, что он даже не решился идти на всенародные выборы и 15 марта был избран президентом СССР на съезде народных депутатов голосами «центристов». Против кандидатуры Горбачева голосовали как «демократы», так и «державники» — сторонники сильного унитарного государства, образовавшие группу «Союз».

16 мая открылся Первый съезд народных депутатов РСФСР, проходивший в упорной борьбе между «демократами» и коммунистами-консерваторами. Основная борьба проходила за состав Верховного совета и пост его председателя. 28 мая Горбачев выступил на съезде с призывом голосовать против Ельцина и поддержал лидера Компартии России Полозкова. 29 мая председателем Верховного совета РСФСР был избран Ельцин 535 голосами против 502, а его заместителем стал экономист-реформатор, заведующий кафедрой в Московском институте народного хозяйства, Руслан Хасбулатов. 12 июня в последний день работы съезд принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Примеру России вскоре последовали все остальные рее-

публики СССР, принявшие аналогичные декларации. Первоначально суверенитет означал только верховенство республиканских законов над общесоюзными, то есть речь шла лишь о новом распределении полномочий между республиками и «союзным центром», однако в дальнейшем логика политической борьбы привела к радикальному пересмотру понятия «суверенитет».

Горбачев тем временем продолжал лавировать между «демократами» и консерваторами, но такое лавирование не могло продолжаться долго. Взрыв произошел на XXVIII съезде КПСС в начале июля 1990 года. Одобренная съездом платформа «К гуманному демократическому социализму» была невнятным клоном программных документов европейских социал-демократов. А новый устав, формально допускавший сосуществование внутри КПСС фракций, в действительности лишь усиливал влияние партийной верхушки. 10 июля Горбачев был избран Генеральным секретарем партии голосами партийного «болота». Тогда Борис Ельцин заявил о выходе из КПСС и демонстративно покинул зал. Его примеру последовали Попов и Собчак, а затем еще 54 народных депутата России, написавшие в коллективном заявлении, что «надежды на преобразование КПСС в парламентскую партию оказались иллюзорными». Покинувшие КПСС призывали «всех сторонников обновления страны к объединению» в общественном движении «Демократическая Россия».

С выходом радикальных «демократов» из КПСС закончился период, когда движение обновления питалось идеалом социализма с «человеческим лицом». Теперь оппоненты КПСС, взявшие верх в республиканских органах власти, приняли на вооружение откровенно антикоммунистическую идеологию. В союзном правительстве, напротив, верх взяли консерваторы, подталкивавшие Горбачева к применению силы для сохранения унитарного, по существу, Союза. Ни одна из сторон не имела опыта политического действия в условиях реальной демократии, неизбежно сопряженного с поиском компромиссов. Лобовое столкновение делалось неизбежным.

На улицу выходят граждане

22 июня 1990 года Верховный совет России сформировал правительство под руководством Ивана Силаева, которое взяло на вооружение

программу быстрого перехода к рынку, разработанную группой экономистов во главе с Григорием Явлинским. Программа, получившая известность под названием «500 дней», предусматривала в качестве первого шага приватизацию и децентрализацию экономики, а затем ликвидацию государственного контроля за ценами и реструктуризацию хозяйства. Поскольку реализовать программу можно было, по мнению Явлинского, только в СССР в целом, в августе-сентябре было достигнуто соглашение Ельцина и Горбачева о совместном проведении программы как союзной.

Однако консерваторы в Политбюро заставили Горбачева отказаться от этого плана, катастрофического для старой союзной номенклатуры. В качестве инструмента давления они использовали совещание военных депутатов союзного и республиканских верховных советов. Полковник Алкснис вынес Горбачеву приговор: «Вы потеряли армию». Уже через два дня после совещания Горбачев выдвинул план укрепления президентской власти.

Торжество новой линии было закреплено в декабре на IV съезде народных депутатов СССР. Съезд внес в Конституцию изменения, значительно расширявшие полномочия президента. На новую должность вице-президента был назначен бывший профсоюзный функционер Геннадий Яиаев. Министры либеральных взглядов — глава МВД Вадим Бакатин и глава МИД Эдуард Шеварднадзе — покинули союзное правительство. Причем Шеварднадзе, объявив о своей отставке, бросил в зал ошеломляющее известие: «Наступает диктатура...» Николай Рыжков, впервые заговоривший о социалистическом рынке, был «по болезни» освобожден от должности главы Совета министров. Его место занял министр финансов Валентин Павлов, известный готовностью к чрезвычайным мерам для восстановления планово-распределительной системы хозяйства.

Новое руководство страны было готово к применению силы в политической борьбе. 13 января 1991 г. в Вильнюсе созданный при помощи союзного КГБ коммунистический Комитет общественного спасения при поддержке Советской армии попытался совершить государственный переворот и свергнуть правительство Народного фронта. Через неделю схожая попытка была предпринята в Латвии. В обоих случаях попытка не удалась в результате народного сопротивления. Российское правительство решительно поддержало прибалтийских «демократов» в борьбе с союзным центром.

Компартия стремительно теряла влияние: в 1990 году из партии вышло 1,8 млн человек. После прибалтийских событий от Горбачева отшатнулись даже умеренные реформаторы. Член Президентского совета авторитетный экономист Станислав Шаталин потребовал от Горбачева вернуться к программе радикальных экономических реформ или «уйти в отставку вместе со всем окружением». 19 февраля отставки Горбачева потребовал в выступлении по телевидению Борис Ельцин. Начался новый виток острой борьбы за власть между ними. Ельцин и его сторонники рассматривали предстоящий референдум о сохранении СССР как способ отстранения Горбачева от власти и предлагали сказать Союзу «нет».

Однако на референдуме, прошедшем 17 марта 1991 г. в девяти республиках (Армения, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия и Эстония от проведения референдума отказались), — более 76% голосовавших высказалось за сохранение СССР. Победу Горбачеву обеспечила иезуитская формулировка вопроса о «сохранении... обновленной федерации».

На какой-то момент установился баланс сил. Но тут Горбачев допустил грубый политический промах. 29 марта должен был начать работу внеочередной съезд народных депутатов РСФСР. Накануне несколько десятков депутатов обратились к Горбачеву с просьбой оградить их «от диких выходов и откровенного глумления» со стороны «агрессивно настроенных элементов» на пути к залу заседаний. В ночь на 28 марта в Москву были введены войска.

Большинство депутатов были глубоко оскорблены такой «защитой» и потребовали вывода войск. Ельцин в своем выступлении призывал к образованию «широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений, включая прогрессивно мыслящих членов КПСС». В результате единство коммунистов было расколото. Полтораста депутатов-коммунистов образовали фракцию «Коммунисты за демократию» во главе с популярным политиком, героем афганской войны полковником Александром Руцким.

Съезд, который, по мысли Горбачева и его союзников, должен был отстранить Ельцина от власти, принял ельцинские требования: полномочия председателя Верховного совета были расширены, а на июнь были назначены выборы президента РСФСР. Горбачев искал компромисса. 23 апреля в резиденции президента СССР в Ново-Огареве Горбачев и руководители девяти республик, участвовавших в референду-

ме 17 марта, выработали «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса».

Консерваторы потребовали введения чрезвычайного положения или отставки Горбачева на пленуме ЦК 24 апреля. Горбачев, имея на руках сильный козырь — «Заявление 9+1», как стали называть новоогаревское заявление, пошел ва-банк и заявил о своей отставке. Пленум испугался и отставку отклонил, «исходя из высших интересов страны, народа, партии...». Однако консерваторы готовы были терпеть Горбачева только при условии его решительной борьбы с российскими радикалами ради восстановления власти «союзного центра». А это ему было уже не по силам.

Выборы президента РСФСР прошли 12 июня: с большим отрывом выиграл тандем Ельцина и Руцкого, набравший 57,3% голосов. Умеренно-консервативные коммунисты — Н.И. Рыжков в паре с генералом Б.В. Громовым — набрали 16,8%. Представители крайне реакционного коммунистического крыла генерал А.М. Макашов и либерального коммунизма В.В. Бакатин набрали чуть более 3% каждый. Их обошла новая «звезда» — Владимир Жириновский (7,8%) выступавший под антикоммунистическими и националистическими лозунгами. Новый расклад политических сил особенно отчетливо обнаружился в крупных городах. Мэрами Москвы и Ленинграда были выбраны радикальные «демократы» Гавриил Попов и Анатолий Собчак, избиратели Ленинграда одновременно проголосовали за возвращение городу названия «Санкт-Петербург». Одним из важнейших актов нового российского президента был указ о «департизации», обнародованный 20 июля. Указом прекращалась «деятельность организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Это был убийственный удар для Компартии, разрушавший ее структуру.

17 июня премьер-министр Валентин Павлов, выступая на заседании Верховного совета СССР, обнародовал данные о катастрофическом положении союзной экономики. Дефицит бюджета составлял 39 млрд рублей. Премьер потребовал наделить Кабинет министров чрезвычайными полномочиями. Павлова поддержали министр обороны Д.Т. Язов, пугавший депутатов развалом армии, и председатель КГБ В.А. Крючков, утверждавший, что все лидеры демократического движения — американские «агенты влияния», реализующие план разрушения СССР, выработанный ЦРУ еще в 1977 году. «Обстоятельства

таковы, — заявил Крючков, — что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись». Проект нового союзного договора, согласованный в этот день в Ново-Огареве руководителями девяти республик, Павлов и его товарищи подвергли резкой критике.

12 июля проект нового союзного договора «суверенных государств», предусматривавший радикальное преобразование СССР (аббревиатура расшифровывалась теперь как «Союз советских суверенных республик»), был утвержден Верховным советом СССР. В договоре указывалось, что государства, образующие союз, «обладают всей полнотой политической власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления» и «являются полноправными членами международного сообщества». Фактически новый СССР должен был стать конфедерацией самостоятельных государств. Подписание договора было намечено на 20 августа в Москве.

29 июля состоялась встреча Ельцина, Горбачева и президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Горбачева уговорили после подписания договора сменить ключевых министров союзного правительства — Павлова, Крючкова, Язова, Пуго и др. Содержание этого разговора стало известно председателю КГБ Крючкову. Консерваторы приступили к подготовке государственного переворота с целью восстановления в полном объеме власти союзного центра.

18 августа Горбачев был изолирован на даче в Крыму. Утром 19 августа гражданам было объявлено, что «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей» обязанности президента СССР исполняет вице-президент Янаев. Далее последовало «Заявление советского руководства» об образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению в составе вице-президента Г.И. Янаева, заместителя председателя Совета обороны СССР О.Д. Бакланова, председателя КГБ В.А. Крючкова, премьер-министра В.С. Павлова, министра внутренних дел Б.К. Пуго, председателя Крестьянского союза В.А. Стародубцева и президента Ассоциации государственных предприятий А.И. Тизякова.

Цели и средства новой власти были означены в «Обращении к советскому народу» и «Постановлении № 1». Начатая Горбачевым перестройка, утверждалось в них, зашла в тупик и угрожает «распадом государственности». Для спасения отечества на полгода объявлялось чрезвычайное положение, приостанавливалась деятельность оппозиционных КПСС партий и движений, восстанавливалась цензура и

прекращался выпуск нелояльных газет. В Москву были введены войска, а в качестве пряника всем горожанам обещали предоставить земельные участки под дачи.

Спротивление «гэкачепистам» возглавило руководство России. Уже утром 19 августа Борис Ельцин своим указом объявил действия ГКЧП «правым, реакционным, антиконституционным переворотом», а его членов — вне закона. Российское руководство немедленно поддержало правительства прибалтийских республик и Молдавии, а после непродолжительного раздумья — Украины, Казахстана и Киргизии.

Члены ГКЧП обращались к «советскому народу». Борис Ельцин адресовался к «гражданам России». Кто одержит верх в этом противостоянии, было неясно. Провинция выжидала, как показали позднейшие социологические опросы, до 40% россиян готовы были признать законность ГКЧП. Его поддержали: депутатская группа «Союз», руководство Азербайджана, Грузии, Татарстана и ряда областей России.

Однако инициаторы реставрационного переворота просчитались в оценке «человеческого фактора». Судьбу страны решили «люди с улицы», вдруг почувствовавшие себя гражданами, неготовыми променять уже распробованную свободу на дармовые дачи. В центре Москвы движение танковых колонн было парализовано толпами людей, не желавшими возвращения легкоузнаваемого в риторике ГКЧП советского прошлого.

К вечеру 19 августа у Белого дома, как стали называть здание Верховного совета РСФСР на Краснопресненской набережной, где обосновалось российское правительство, постоянно дежурили до 50 тыс. человек. Народное настроение оказало решающее влияние на настроение войск. Днем 19 августа на защиту Белого дома демонстративно пришли под трехцветным знаменем, ставшим в этот день символом свободы, первые войска — 10 бронемашин под командой майора Сергея Евдокимова. Отказались выполнять приказы ГКЧП главнокомандующими военно-воздушных сил Евгений Шапошников и командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев. Грачев с присущей ему прямоотой приказал десантникам, если войска получают приказ стрелять в народ, «брать хунту». Но и маршала Язова вовсе не прельщала сомнительная слава российского Пиночета. Офицеры спецназа КГБ «Альфа» — последняя надежда ГКЧП — также отказались штурмовать Белый дом. В ночь на 21 августа Язов приказал войскам покинуть столицу. В общей неразберихе движение войск было принято за начало атаки, при по-

пытке остановить ее погибли три молодых человека. По счастью, более жертв не было. Граждане утвердили свою волю малой кровью. «Население» признало победу граждан и немедленно внесло в движение свой вклад, сокрушив памятник «железному Феликсу» на Лубянке.

Вернувшийся 22 августа в Москву Горбачев капитулировал перед российским правительством, которое переняло все функции федеральных ведомств. 23 августа он был принужден подписать указ о роспуске КПСС. На следующий день был ликвидирован союзный Совет министров. Вместе с коммунистическим режимом рухнули и государственно-партийные скрепы, на которых держался СССР. 1 декабря 70% граждан Украины на референдуме высказались за независимость. 8 декабря на встрече в Беловежской Пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписали соглашение о ликвидации СССР.

Начатая Горбачевым в 1987 году «демократизация» привела, таким образом, к исчезновению реформируемого государства. Почитатели и хулители Горбачева будут еще долго спорить о подробностях политических контрверз этой бурной эпохи, личных качествах и роли генсека. Одно несомненно: Горбачев не мог избрать для России «северокорейский» вариант казарменного социализма и полной изоляции от внешнего мира — по складу характера и темпераменту он мало подходил на роль диктатора. Но вот «китайский» путь для Горбачева был реальной альтернативой. Он вполне мог, подобно «китайским товарищам», форсированно провести непопулярные, но неизбежные экономические реформы, сохранив однопартийную систему и опираясь на существующий партийно-государственный механизм. Горбачев выбрал путь «демократизации», в надежде, что этот процесс можно направлять. Но управляемой демократии не существует.

Подробнее на эту тему:

Goldman M. What Went Wrong With Perestroika. N.Y.-L., 1992.

Малиа Мартин. Советская трагедия: История социализма в СССР. 1917-1991. М., 2002.

Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.

Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2003.